

507). Та разорванность между внешними и внутренними проявлениями человека, которая обычна почти для всех персонажей писателя, является для них нормальным состоянием, для князя Мышкина, героя идеального, оказывается духовной смертью.

Итак, жест в художественной системе Достоевского присутствует как жест прямой, соответствующий словам, намерениям, ситуации, обычный в литературе, так и жест «отказный», «обратный». Подобный жест удален от слова, от мысли, ситуации, противоречит им, часто неожидан для самого жестикулирующего. Такой жест характеризуется писателем чаще всего негативно: «невольный», «неуместный», «неожиданный». Он присущ почти всем героям Достоевского и изображает не только их, но и саму среду, в которой воспринимается как явление ординарное.

Жест у князя Мышкина — более сложная модификация «прямого» жеста. Это явление нормальное, хотя и редкое, ощущается носителями жеста «обратного» как нечто неприличное, мгновенно выделяющее человека из среды.

Следует подчеркнуть использование одинаковых жестов в изображении разных героев. Оно также функционально и позволяет проводить аналогии между персонажами разных произведений писателя, сопоставлять их.

Все разновидности жестов в поэтике Достоевского помогают понять истинный смысл действий или высказываний тех или иных персонажей его произведений.

В. И. МЕЛЬНИК

ИСТОЧНИК ОДНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

Характеризуя духовный мир и быт чиновничества, герой «Записок из подполья» Достоевского пишет: «Больше двух-трех гостей, и все тех же самых, я никогда там не видывал. Толковали про акциз, про торги в Сенате, о жалованье, о производстве, о его превосходительстве, о средстве нравиться и проч., и проч.» (5, 134; курсив наш, — В. М.).

Заключительные слова этой характеристики — намек на название популярного в то время водевиля о чиновнике «Его превосходительство, или Средство нравиться».¹ Водевиль Н. А. Коровкина, написанный еще в 1839 г., пользовался успехом у публики и удержался в репертуаре театров до 60-х годов XIX в.² Содержание его — влюбленность старого генерала в восемнадцатилетнюю девушку.

¹ См.: Коровкин Н. А. Три оригинальные водевиля. СПб., 1840.

² Театральная энциклопедия, т. III. М., 1964, с. 210. — «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. XVI, СПб., 1895, с. 309) указывает на 90-е годы XIX в.

Тема чиновничества играет в «Записках из подполья» роль фона, на котором в сознании героя происходит борьба старых, «филантропических» его взглядов и нынешних, которые так или иначе являются их же порождением. Герой постоянно подчеркивает свою противопоставленность чиновнической среде, и тем более раздражительно, что он чувствует себя ее частью, ее «следствием», хотя бы и исключительным: «Я, например, искренно презирал свою служебную деятельность и не плевался только по необходимости, потому что сам там сидел и деньги за то получал. В результате же, — заметьте, все-таки не плевался» (5, 126).

Указание на водевиль может быть и сигналом, прикрепляющим оборот «средство нравиться» к определенному типу культуры XIX в. Главной чертой этого культурного пласта является его принципиальная «антифилософичность», эмпирическая положительность и прагматизм во всех сферах человеческой жизни, не исключая и нравственности. Еще в конце XVIII в. начали появляться различные «самые верные, наипростейшие и надежнейшие» «способы», «средства» и «искусства».³ Такие более или менее явно выраженные шарлатанские книжки имели, однако, свою постоянную публику, в частности, среди мелкого и среднего чиновничества. О них упоминает и И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети».⁴

А. П. ВАЛАГИН

ЧИТАЛ ЛИ ДОСТОЕВСКИЙ «КНЯГИНЮ ЛИГОВСКУЮ?»

Можно с уверенностью говорить, что Достоевский, работая над замыслом «Жизни великого грешника», а затем над «Бесами», постоянно «имеет в виду» Лермонтова и его роман. На психологическую близость таких фигур, как Печорин и Ставрогин, давно обратили внимание исследователи (об этом писали Л. Гроссман, В. Шкловский, Г. Фридендер, Н. Чирков, В. Левин, американский исследователь И. Хоув). К этому можно добавить, что сходством Ставрогина и Печорина лермонтовские романистические в «Бесах» не исчерпываются. Так, например, «демопическая», гордая Лиза,¹ по авторской характеристике, — «Лермонтов в юбке» (11, 197). Обращает на себя внимание ряд упоминаний в подготовительных материалах имени лермонтов-

³ См., например: Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым, или Открытие особенных, редких, удобоисполнительных, испытанных и весьма дешевых секретов, посредством которых всякий может доставить себе прочное здоровье и проч.

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1964, с. 219. См. также: Мельник В. Источник одной реплики Вазарова. — Русская литература, 1977, № 4, с. 173—175.

¹ Вот как описывает Достоевский внешность героини: «... она даже поражала неправильностью линий своего лица. Глаза ее были поставлены

ского героя применительно к ситуациям романа. Представляют большой интерес для размышлений стилистические и композиционные особенности его, во многих своих проявлениях в той или иной мере восходящие к Лермонтову и Пушкину.

В главе «Принц Гарри. Сватовство», рассказывая о петербургском, «насмешливом» периоде жизни Ставрогина, Достоевский пишет: «Но очень скоро начали доходить к Варваре Петровне довольно страшные слухи: молодой человек как-то безумно и вдруг закутил. Не то чтобы он играл или очень пил; рассказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысачами людях, о зверском поступке с одною дамою хорошего общества, с которою он был в связи, а потом оскорбил ее публично» (10, 36).

Сценой столкновения рысача Печорина с бедным чиновником Красинским начинается «Княгиня Лиговская». Это происшествие, являющееся идеологической основой темы Печорин—Красинский — главный сюжетобразующий момент романа. Отношения Печорина с Елизаветой Николаевной Пегуровой, связь с которой он использует для приобретения скандального успеха в свете, — другой основной психологический «компонент» романа Лермонтова.

«Княгиня Лиговская» была опубликована в «Русском вестнике» только в 1882 г. (январская книжка журнала). Достоевский, следовательно, не мог прочитать напечатанный текст, но рукопись находилась в редакции «Русского вестника», с которой писатель, как известно, поддерживал тесные отношения в 60-х—начале 70-х годов. Читал ли Достоевский рукопись «Княгини Лиговской»? Чтобы с вероятностью ответить на этот вопрос, нужно выяснить, находилась ли рукопись лермонтовского романа в редакции журнала минимум за шестнадцать лет до ее публикации, т. е. до того времени, когда Достоевский отправился с женой в заграничное путешествие (весна 1867 г.).

В жизни Достоевского до этого путешествия был период, когда он был частым гостем редакции «Русского вестника» — лето 1866 г., время печатания «Преступления и наказания». В это время Достоевский живет под Москвой, в Люблине, по соседству с семьей своей сестры Веры Михайловны Ивановой. «Раз в неделю Достоевский ездил в Москву для переговоров

как-то по-камышки, криво; была бледна, скушпста, смугла и худа лицом; по было же нечто в этом лице побеждающее и привлекающее! <...> В этой натуре, конечно, было много прекрасных стремлений и самых справедливых начинаний (ср. с высказываниями Печорина из «Героя нашего времени», — А. В.); но всё в ней как бы вечно искало своего уровня и не находило его, всё было в хаосе, в волнении, в беспокойстве» (10, 88—89). Последнее замечание Достоевского перекликается с характеристикой, данной им Лермонтову в «Ряде статей о русской литературе» (январский выпуск «Времени» за 1861 г.).

со своими редакторами по «Русскому вестнику», — пишет биограф.²

Есть любопытное высказывание Достоевского, которое может служить косвенным подтверждением знакомства писателя с Печориным из «Княгини Лиговской». В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., раздражено и жестко рассуждая о «злых человечках», имея в виду при этом людей печоринского склада, Достоевский пишет: «Да и сам-то Печорин убил Грушницкого потому только, что был не совсем казист собой в своем мундире, и на балах высшего общества, в Петербурге, мало походил на молодца в глазах дамского пола» (XI, 101). Применительно к Печорину из «Героя нашего времени» Достоевский явно ошибается («Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб <...> у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза».³ Закапчивая описание внешности героя, издатель «Журнала Печорина» говорит прямо противоположное тому, о чем позднее скажет Достоевский: «Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам».⁴ Напрашивается мысль, что Достоевский «путает» Печорина с Лермонтовым, что, как уже не раз было отмечено учеными, вообще свойственно Достоевскому. Действительно, для писателя Лермонтов и Печорин часто совмещались в один тип личности как по одинаковой «скитальческой» сути их жизни, по изменчивости, противоречивости характеров, так и по преждевременной, трагической смерти.⁵

Однако в данном случае Достоевский имеет в виду конкретную ситуацию романа, что плотно «привязывает» героя к литературному материалу. Тем более что имя Печорина в этом высказывании стоит рядом с пушкинским Сильвио. На наш взгляд, маловероятно, что Достоевский мог «спутать» в данном случае Печорина с автором романа. Но он вполне мог иметь в виду другого Печорина, из «Княгини Лиговской», который «...на балах <...> свсю невыгодную наружностью терялся в толпе зрителей, потому что самолюбие его страдало».⁶ Достоевский прекрасно знал текст романа «Герой нашего времени» — тому есть много доказательств — и вряд ли мог «перенести» яркий, запоминаю-

² Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1965, с. 365 (Жизнь замечательных людей).

³ Лермонтов М. Ю. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1962, с. 332.

⁴ Там же, с. 333.

⁵ Вот образцы двух высказываний Достоевского о Лермонтове: «Мы долго следили за ним, но, наконец, он где-то погиб — беспечно, напизно и даже смешно» (XII, 51). О Печорине: «От злобы и как будто на смех Печорин бросается в дику, странную действительность, которая приводит его к глупой, ненужной смерти» (XIII, 103).

⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч., т. IV, с. 176.

щийся эпизод романа (дуэль Печорина с Грушницким) на судьбу Лермонтова. К тому же сама логика рассуждений Достоевского предполагает возможность ассоциативной ошибки по литературному ряду.

Но была ли рукопись романа «Княгиня Лиговская» в 1866 г. в «Русском вестнике»? Известно, что рукопись была у кн. А. И. Васильчикова — секунданта Лермонтова на дуэли последнего с Мартыновым.⁷ Однако дальнейшая судьба рукописи вплоть до ее печатания не представляется ясной. В Отчете Публичной библиотеки за 1882 г. судьба рукописи выглядит так: «Кн. А. И. Васильчиков — П. А. Висковатов — 1882 — И. П. Б.».⁸ Так как Висковатов был лично знаком с А. Васильчиковым и не раз с ним беседовал, то предполагалось, что рукопись была передана Васильчиковым Висковатову лично для ознакомления и публикации в «Русском вестнике». Естественно, если бы дело обстояло именно так, то предположение о возможности знакомства Достоевского с рукописью не позднее 1867 г. отпало бы.

Однако дело обстоит не так, и путь рукописи от князя Васильчикова к моменту ее выхода в свет нуждается в уточнении.

П. А. Висковатов в предисловии к журнальной публикации «Княгини Лиговской» пишет так: «Содержание романа Аким Павлович (Шан-Гирей, — А. В.) не помнил, знал только, что было написано несколько глав и что в нем впервые встречалось имя Печорина и княгини Лиговской. Эта рукопись не находилась между тетрадами Михаил Юрьевича, попавшими в Публичную библиотеку через Хохрякова и пожертвованными туда Шан-Гиреем.

По-являю, что известие о существовании романа, в коем описывается г-жа Хвостова и, главное, является впервые Печорин, меня весьма заинтересовало. Вдруг получаю я из Москвы известие, что в редакции „Русского вестника“ *давно находится* (курсив мой, — А. В.) ненапечатанная повесть Лермонтова под заглавием „Княгиня Лиговская“ и что редакция не решается ее печатать, не зная, к кому обратиться за разрешением. Я тотчас написал Шан-Гирею, который формально передал мне право на издание, с тем чтобы по отпечатании романа рукопись была передана мною в Императорскую Публичную библиотеку. Вследствие некоторого недоразумения редакция выслала мне рукопись уже по отпечатании ее».⁹

Таким образом, Висковатов не получал рукописи от Васильчикова и вообще рукопись попала ему в руки уже «через» «Русский вестник», а «Княгиня Лиговская» *давно* находилась в редакции журнала. К сожалению, точной даты, когда рукопись

⁷ Подробнее о кн. А. Васильчикове см.: Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964.

⁸ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 год, с. 41.

⁹ Русский вестник, 1882, № 1, с. 120.

попала в редакцию, установить не удалось, но есть косвенное подтверждение тому, что рукопись лермонтовского романа лежала в редакции долгое время.

Записывая на последнем, пятьдесят седьмом, листе рукописи историю ее публикации, П. Висковатов говорит о том, что рукопись «была принесена, *сколько помнили в редакции* (здесь и далее курсив мой, — А. В.), покойным А. И. Васильчиковым — секундантом Лермонтова на несчастной дуэли. Редакция *долго* не печатала, и лишь по смерти Васильчикова *вдруг объявилось*, что там находится эта рукопись. Не решались печатать, не имея разрешения. Обращались ко мне через третье лицо. Я написал А. П. Шан-Гирею, кому мне передать право на рукопись с тем, чтобы она была напечатана под моим наблюдением и затем отдана в Публичную библиотеку».¹⁰

Выражение «сколько помнили в редакции» явно указывает на значительную отдаленность во времени даты появления рукописи в редакции «Русского вестника». Обращает на себя внимание и другой факт: хлопоты по печатанию романа начались по смерти А. Васильчикова (1881). Смерть князя, принесшего когда-то рукопись романа в редакцию, послужила как бы толчком к розыскам («вдруг объявилось») и хлопотам по его опубликованию.

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, с известной определенностью предположить, что Достоевский мог познакомиться с рукописью «Княгини Лиговской».

Т. П. МАЗУР

ДОСТОЕВСКИЙ И СЛУЧЕВСКИЙ

В 1889 г. вышел первый том третьего издания «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского с очерком жизни и деятельности писателя. Автором его был поэт К. К. Случевский.

Первые посмертные биографии Достоевского были написаны О. Миллером, Н. Страховым, Д. Аверкиевым,¹ людьми, которые близко знали писателя и часто встречались с ним. Все они подчеркивали факт личного знакомства с Достоевским. Так, Н. Страхов писал: «... близость паша была так велика, что я имел полную возможность знать его мысли и чувства».²

В очерке К. Случевского ни разу не упомянуто о знакомстве или близости с Достоевским. Однако мемуарная литература, лич-

¹⁰ ГПБ, ф. 429, Лермонтов, ед. хр. 5, II, л. 57 об.

¹ По свидетельству Е. А. Штакелшнейдер, А. Г. Достоевская была недовольна очерком Д. В. Аверкиева (см.: Штакелшнейдер Е. Дневник и записки. Л., 1934, с. 449).

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1883, с. 179.